

ФАБУЛА ЖИЗНИ

Игорь Скакун

Игорь Скакун
Фабула жизни.

«Автор»

2026

Скакун И. В.

Фабула жизни. / И. В. Скакун — «Автор», 2026

В провинциальном роддоме на двадцать минут гаснет свет. Новорождённые начинают говорить взрослыми голосами, называя имена и адреса. Санитарка Нина сохраняет запись и отправляется искать тех, кто звучал из детских кроваток. Один голос принадлежит живой женщине, другой — погибшему отцу человека, который пришёл забирать сына. Попытка вернуть людям пропавших близких разрушает чужой покой. Чтобы исправить ошибку, Нина собирает их на одну встречу. И на этот раз в темноте вспоминают взрослые.

© Скакун И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
ГЛАВА 1. ДВАДЦАТЬ МИНУТ	6
ГЛАВА 2. ГОЛОС НА СТУПЕНЬКАХ	8
ГЛАВА 3. ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ НЕ УМЕРЛА	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Игорь Скакун

Фабула жизни.

Аннотация

В провинциальном роддоме на двадцать минут гаснет свет. Новорождённые начинают говорить взрослыми голосами, называя имена и адреса. Санитарка Нина сохраняет запись и отправляется искать тех, кто звучал из детских кроваток. Один голос принадлежит живой женщине, другой — погибшему отцу человека, который пришёл забирать сына. Попытка вернуть людям пропавших близких разрушает чужой покой. Чтобы исправить ошибку, Нина собирает их на одну встречу. И на этот раз в темноте вспоминают взрослые.

Игорь Скакун

В творческом диалоге с нейросетью МИР

ГЛАВА 1. ДВАДЦАТЬ МИНУТ

Когда погас свет, Нина держала в руках чужую пуговицу.

Пуговица была серая, большая, с четырьмя дырками. Она лежала под скамейкой у приёмного покоя. Нина собиралась положить её на подоконник: утром кто-нибудь хватится. В больнице всё время что-нибудь теряли. Перчатки, результаты обследований, зарядки от телефонов. Однажды в пакете с бахилами забыли обручальное кольцо.

Часы над постом показывали час семнадцать.

Лампа мигнула. За стеной оборвался гул вентилятора. Остался один звук: тонкая струйка воды, которую плохо закрытый кран пускал в раковину.

— Нина, фонарь у тебя? — позвала Вера.

Она ответила, что в телефоне. Вера велела идти к детской, а сама свернула к посту. Через несколько секунд в конце коридора зажглась аварийная лампа. Электричество исчезало здесь и прежде; важные приборы продолжали работать от резерва. Но в старом крыле темнота всегда наступала такая густая, словно зданию возвращали его настоящий возраст.

Нина включила фонарик. Луч выхватил дверную ручку, угол шкафчика, колёсико прозрачной кровати.

В палате лежали семеро.

Она знала их по шапочкам. Розовая с криво завязанной тесёмкой. Белая, слишком большая. Жёлтая, которую молодая мать долго разглаживала ладонью, прежде чем отдать Вере.

— Свет отключили? — спросил мужчина.

Нина повернулась к двери. Коридор был пуст.

— Кто здесь?

— Да здесь я. Внизу. Господи, что у меня с руками?

Голос шёл из кровати с белой шапочкой.

Нина посветила. Маленькое лицо сморщилось от луча. Рот открылся, и тот же сипловатый голос произнёс:

— Убери. В глаза же.

Она отступила. Пяткой задела ножку стула. Стул поехал по полу с неожиданно громким скрипом.

— Вера.

Получился шёпот.

— Вера!

Вторая кровать заговорила женским голосом:

— Мне надо домой. Там уют включён. Я на минуту прилегла, только на минуту. У меня синий чехол на доске. Слышите?

Третий ребёнок заплакал. Обыкновенно, по-младенчески. От этого Нине стало ещё страшнее.

Вера прибежала, сердито спросила, что случилось, и замолчала посреди слова.

— Позвоните дочери, — попросили из кровати у окна. Голос был старушечий, слабый. — Она в музыкальной школе. По четвергам её никто не встречает.

Вера медленно опустила руку на край ближайшей кровати. Нина увидела на её запястье часы. Секундная стрелка двигалась.

— Это мы спим? — спросила Нина.

— Не знаю. Не трогай их.

Мужской голос из белой шапочки потребовал найти его одежду. Другой, моложе, начал называть номер телефона, путался, просил дать бумагу. Женщина с утюгом повторяла адрес: третий подъезд, четвёртый этаж, дверь обита коричневым.

Нина вдруг вспомнила, что телефон у неё в руке.

Чтобы включить диктофон, пришлось погасить фонарик. Она делала это на ощупь. Палец не попадал в кружок. Ей хотелось записать хоть что-нибудь, потому что уже сейчас часть сознания утверждала: этого нет. Этого не может быть, и утром она сама не поверит.

— Скажите ещё раз, — попросила она. — Кто вы?

Вместо ответа заговорили сразу трое.

Вера принесла переносной светильник. Сняла перчатки, надела другие. Проверила детей по очереди, тихо приговаривая привычные слова. На вопрос одного из голосов, врач ли она, ответила:

— Медсестра. Сейчас будет врач.

— Не надо врача, — сказал сиплый мужчина. — Пусть только он сюда не приходит.

— Кто?

— Сын. Не отдавайте меня ему. Он меня убил. Я помню лестницу.

Нина подняла глаза на Веру. Та смотрела на ребёнка, как на человека, упавшего в воду слишком далеко от берега.

Врач появилась, когда до конца оставалось меньше минуты. Впоследствии все трое поразному помнили порядок событий. Нина была уверена, что врач успела услышать женское «Ирина». Вера говорила, что было «Марина». Сама врач помнила только слова об утюге.

В час тридцать семь вспыхнули потолочные лампы.

Сиплый голос оборвался на половине слова.

Семеро детей закричали. Один за другим, с небольшими промежутками, словно передавали друг другу обыкновенную, понятную всем беду.

Нина нажала на остановку записи.

В кармане халата что-то мешало. Она достала серую пуговицу, посмотрела на неё и положила на стол.

— Кто-нибудь хватится, — сказала она.

Никто не спросил, о чём это.

ГЛАВА 2. ГОЛОС НА СТУПЕНЬКАХ

Утром Нина вымыла коридор два раза.

После первого раза ей показалось, что осталась грязная полоса возле детской. После второго она поняла: просто нужен повод оставаться рядом.

Вера забрала её в комнату персонала. Села напротив и подвинула стакан с водой.

— Покажи запись.

Они слушали без наушников, убавив звук. Голоса были. Не отчётливые, как ночью: поверх слов ложились стук колёсиков, шаги, Верин голос. Но фразу про лестницу можно было разобрать целиком.

— Не рассылай, — сказала Вера.

— Да кому?

— Вот именно. Никому.

Они переслушали последние секунды. Женщина торопливо произносила адрес. Кто-то просил открыть окно. Потом щёлкнуло реле, прозвучало Верино «тише», и начался плач.

— Нужно разобраться, — сказала Нина.

Вера посмотрела на неё устало.

— Нужно смену закончить. А потом разобраться.

Нина кивнула, но не ушла домой. У окна выписной комнаты стоял мужчина в сером пальто. Он держал пустую переноску обеими руками, как очень полную миску. Возле него молодая женщина поправляла воротник платья. На стуле лежала белая шапочка.

Нина узнала её сразу.

Обычно она не вмешивалась в выписку. Семьи в этот момент были заняты своим: шариками, такси, спором, кого первым позвать к ребёнку. Сегодня она пошла за мужчиной, ещё не зная, что собирается сказать.

На крыльце женщина попросила его поддержать сына, пока она найдёт телефон.

Нина подошла.

— Мне надо вам кое-что дать послушать.

Мужчина улыбнулся вежливо и рассеянно. Нина запустила запись с нужного места. Когда голос произнёс слово «лестницу», улыбка исчезла.

— Вы откуда это взяли?

Она объяснила. Плохо, с пропусками. Он перебил:

— Нет. Откуда у вас голос?

Его жена перестала искать телефон.

— Максим?

Он опустился на ступеньку. Медленно, придерживая ребёнка голову. Нина испугалась, что ему плохо, и присела рядом.

— Это мой отец, — сказал он. — Он умер в марте.

Жена положила руку ему на плечо.

— Максим, давай дома.

— Он говорит про лестницу.

Нина выключила запись. Рядом проходили люди, и ей впервые стало стыдно за то, что она принесла это сюда, к букетам и радостным фотографиям.

— У нас был несчастный случай, — произнесла жена. — Его отец упал.

Максим смотрел на белую шапочку. Ребёнок спал с приоткрытым ртом. Крошечная рука высунулась из одеяла и упёрлась ему в пальто.

— Мы поссорились, — сказал он. — Я толкнул. Один раз.

Лида, так звали его жену, сжала плечо сильнее.

— Это сейчас кому надо говорить?

— Ей. Она спросила.

Нина ничего не спрашивала. Но поправлять его не стала.

У него дрожали губы, и она подумала о простом: такой дрожью невозможно держать ребёнка. Лида забрала сына, укрыла край одеяла.

— Это наш Саша, — сказала она. — С ним сейчас всё хорошо. Нам нужно ехать.

Максим кивнул, но не поднялся.

— Отец называл меня Максёнкой, когда хотел помириться. Там есть это слово?

Нина не помнила. Они прослушали отрывок ещё раз. Слова не было.

— Нет, — сказала она.

Он посмотрел на неё с такой надеждой, словно отсутствие одного слова могло всё отменить.

Нина записала свой номер на обороте чека. Отдала Лиде. Та сложила чек вчетверо.

— Вы больше никому это не включайте, — попросила она. — Пока сами не поймёте.

Такси уже ждало. Максим поднялся, поправил пальто и спросил у жены, взяла ли она документы.

Самый обычный вопрос. Нина была ему за него благодарна.

ГЛАВА 3. ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ НЕ УМЕРЛА

Из семи голосов на записи отчётливо называли себя четверо. Остальные либо молчали, либо говорили одновременно с другими. Нина завела тетрадь в клетку и выписала слова, которые могла разобрать.

Рядом с каждой догадкой поставила знак вопроса.

В отпуск её отпустили на девять дней. Заведующая решила, что после ночного происшествия сотрудницам нужен отдых. Само происшествие называли то скачком напряжения, то коллективной реакцией на стресс. Врач направила детей на необходимые осмотры. Особых отклонений не нашли. На этом в официальных разговорах старались остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.